Родителей это бесит, учителей страшно бесит, но сделать никто ничего не может. Давно прошли те времена, когда во втором классе наша учительница прям на уроке постригла двоечника Си-

В шестом классе я отказался стричься и к сель-

мому оброс как Кинг-Конг.

тельница прям на уроке постригла двоечника Сидорова, у которого мать алкоголичка. Сейчас на дворе перестройка, новое то есть мышление для

дворе перестроика, новое то есть мышление для всего мира и нашей страны, как говорит по телевизору Горбачев, для которого у моей матери одно

определение: «Бог шельму метит». Мышление явно его навсегда. не для моей мамы и учителей, но они уже ниче го не могут со мною поделать. Только отчитывать меня периодически в кабинете завуча. Вот так вот примерно: его навсегда. К вопросу о в том, что как больше «трид это я и делаю

Хорошев, ты опять не постригся?У меня прическа такая.Так, Хорошев, чтоб завтра постригся. Понял?

- так, хорошев, чтоо завтра постригся. Понял? - Мне *так* нравится. Удобно в хвост завязы... - Ты хочешь выделиться! — не дослушивают они.

- Ты хочешь выделиться! — не дослушивают они. - Нет, нет. — Спорить бесполезно, они давно все

решили. – Просто мне так... - Ты хочешь от всех отличаться!

Ты хочешь от всех отличаться!
 Да нет же, я наобо... – Это по инерции говорится.
 А чего ты орешь, а? – Выводы сделаны, переходим

А чего ты орешь, а? — Выводы сделаны, переходим к обструкции. — Ты чего это на учителей голос поднимаешь?

учивают. Такая у «тридцатки» репутация. У хорошего места такой репутации не будет. Хотя кого-то, уверен, прельщает идея выучить алфавит только к десятому классу. Чтобы на следующий год забыть

- И не оправдывайся! Молчи! А то исключим - пой-

вающих. Для лебилов то есть. Там алфавит только

к десятому классу выучивают. Ну или типа того. Точнее не знаю, слава богу. Думаю, вообще не вы-

Школа номер тридцать на Плющихе – для неуспе-

дешь в «тридцатку»!

К вопросу об учительском мнении обо мне. Фокус в том, что как раз чего я боюсь больше всего, даже больше «тридцатки», — это отличаться. Но именно это я и делаю. В смысле — отличаюсь. Даже — сильно. На уроках физкультуры последним в ряду. Всегда,

во всех классах. Один раз предпоследним поставили, но тоже четверть простоял — тогдашний самый мелкий в другой город переехал. Гад. В лучшем случае — предпоследним. Как бы я ни прибавлял в росте за лето, остальные росли быстрее. Так тебя

и воспринимают, так к тебе и относятся. Не крут!

«Мистер самый мелкий человек», пытаюсь над собою посмеиваться. Самоирония — лучшая защита. Девочки говорят, что я забавный.

Так-то проблем больше никаких. Учусь нормально, по поведению редко «уд.», в основном «хор.».

- Я не opy!!! Никто меня не трогает – все знают, что я друг Миш-

Друзья говорят: ты ж не носишь джинсы клеш и там какие-нибудь замше-вые пиджаки с гигантскими воротниками, как предки наши на старых фотках, — вот и нефиг слушать то, что они слушали.

езде, в школу уже не ходит — отчислили, наверное. Авторитет.

Я как раз хочу быть как все, но, блин, не как

ки; Мишка на два года старше, живет в моем подъ-

все я. Быть мелким очень фигово. Очки, жирность, длинный нос, уши-лопухи — все лучше, чем мелкий рост.

Родители мои разведены. Мы с матерью вдвоем живем. Недавно втроем жили, но Арк, дядька мой,

мамин брат по имени Аркадий, к жене умотал. Думали, не женится никогда, старый уже, за тридатник, а он вдруг раз — и все. Она с ним в НИИ работает.

Мой отец недавно заезжал — позвонил, спросил, дома ли мы, — я даже не сразу узнал его по голосу. Но явился. Сел на кухне. Я налил ему чайку крепкого «со слоном», из заказа с маминой работы.

Смотрю на прихлебывающего отца. Сейчас он мне кажется маленьким и толстым. А кожа на лице слегка обвисшая, как будто воздушный шарик медленно сдувается. Вспомнился старенький карлик из какого-то фильма, который мы с Одуваном по видику смотрели. Отец ставит чашку.

 Пап, – подкидываю тему, чтоб не началось про «как учишься», – а я тут музыкой всякой увлекся.
 Увлекаться музыкой – так взрослые говорят. Мы

говорим фанатеть. Но вдруг старик-отец таких слов

не понимает? Хотя увлекаться — дурацкий какой-то глагол, увлекать себя — увлекают в дебри, а я с музыкой, скорее, *нахожусь* — нахожу себя. С собою в мире и покое. Но это сложно, я тогда так не фор-

мулировал — позже придумал, когда уже взрослым заставил всю квартиру — не эту, более большую, свою, бесконечными стеллажами с CD, о которых мечтал в те годы, которые тут вспоминаю.

— А, хорошо, — оценил отец. — Музыка — катализа—

Он всегда так выражается. Я рискнул развить тему:

— Рок слушаю Классический Английский и амери-

тор мыслительных процессов в мозгу.

 Рок слушаю. Классический. Английский и американский. Битлов, цеппелинов...

Питэр, — резко перебил он меня. Кстати, это он, англофил, начал называть меня Питер, потом до меня дошло, что Питер Хорошев — это почти что Пит Бэст, ну я и начал так представляться, погонялово прижилось. — Питер, названные тобою исполнители являются представителями массовой культуры, которая относится к низменному вкусу! При их влиянии ты испортишь себе мозги и вкус... если он у тебя и был когда-то.

Я не понял, что это значит: как вкус может быть низким, это ж не дерево. Да каким бы ни был мой вкус — мне нравится, я тащусь, а отец ничего в рокмузыке не понимает. Он ее, наверное, и не слышал никогда. Замяли тему, короче.

шивая, попивая чай и роняя ничего не значащие фразы типа «Ну где мать-то? Чо-то она, мать-то, прям это...» Пришла мама, увидев его, не удивилась, не раздеваясь, достала из сумки сложенный вдвое большой серый конверт, который ему и вручила. Отец ушел, мама сказала, что алименты мы больше получать не будем. Я не спросил почему. Не будем и не будем. Нечего нам побираться, и так живем нормально. С отцом я с тех пор не общаюсь. Повода нет.

Отец просидел еще с полчаса, ни о чем не спра-

Да, я действительно люблю древнюю рок-музыку, которую из моих друзей никто не любит, потому что она немодная уже лет пятнадцать. Битлы, роллинги, Queen, Deep Purple, Uriah Heep — я их записи у Арка на «катушках» слушал (или брал, перекатывал на кассеты, слухаю на своем мафоне). Но никого на старый рок подсадить не могу, даже друзей. Друзья говорят: ты ж не носишь джинсы клеш и там какиенибудь замшевые пиджаки с гигантскими воротниками, как предки наши на старых фотках, — вот и нефиг слушать то, что они слушали. А я 6, может,

и носил бы все те джинсовые клеши, замшевые кам-

золы и здоровенные очки. В них индивидуальность

была, а сейчас все ходят - вроде шмотки разные,

но какие-то однотипные. А половина парней прям

вообще именно что в одном и том же – джинсы-бана-

ны (пирамида), высокие белые кроссовки симод или

хают Modern Talking, Сабрину, Сандру, Си Си Кетч и прочую парашу с дебильными названиями. Поэтому на дискотеках школьных мне тоже делать нечего – я под такое не танцую. Хотя – хочется. Спасают медленные танцы под «Скорпов». Да, собственно, волосы я отрастил по принципу «хуже не будет» - так и так выделяюсь, так что лишняя копна на кумполе рояля не сыграет. Да даже если б у меня рог кривой торчал изо лба, это было бы не так катастрофично, как этот проклятый низкий рост.

Когда волосы распущены, незнакомые обраща-

ются ко мне «девочка». С хвостом когда – меня

дразнят Малининым, есть такой певец романсовый.

Мне-то хочется думать, что я похож на Рика Парфита из Status Quo. Но у нас из всего Status Quo одну

только песню знают, про армию которая - которую

еще этот жирный дебил Сергей Минаев перепел -

так что не особые они у нас тут рок-кумиры. Что

мить – для них обычное дело, их как будто в инсти-

туте этому учат. Метод такой: они делают вид, что

с тобой разговаривают, типа понять они тебя хо-

тят, но на самом деле им ничего не объяснишь. Они

К учительским наездам я привык. Ученику наха-

обидно.

корандо, пестрый свитер с вышитым словом BOYS

щатся от метала типа Iron Maiden или Accept. Это

По музыке если базарить – то тут так: друзья та-

почему-то. Как инкубаторские.

просто не слушают. А если чуть громче заговоришь, то сразу «Чо орешь? Два по поведению!». Ну да, вот как с вами разговаривать-то? Получается, лучше никак. И пусть мои волосы вас бесят вечно, чмошники сраные.

останешься недомерком!» Все, самое страшное слово я сказал. Дальше ничего такого не будет. А то – ресентимент (это слово

шев, ты что, куришь? А чего не растешь? Не кури —

Так что наезды фигня, реально страшное: «Хоро-

я узнаю двадцать лет спустя).

Помимо Аркашиных бобин, в моем распоряжении еще один архив старого рока: коллекция «пластов» дяди Лёни. Это сосед наш, дверь напротив.

В конце 80-х наш район стали называть элит-

ным - как коров, свиней и пшеницу, - и все местные резко начали квартиры свои сдавать. Продавать тоже, но это уже в 90-е, после приватизации. Вот так мы получили новых соседей по лестничной

еще не очень плохо, потому что в основном все слу-

с соседкой, Алкой с четвертого, кофе свой горький распивали, вошел быстро, ухватил обрывок разговора: «...живет один, как волк... – Да он *пидораст*!» Последнее слово – это Алка сказала. Я сразу, как мне показалось, понял, о ком они. И тут прям испугался даже. Через какое-то время увидал, как дядя Лёня выходит из лифта, держа в руках пластинку «Дом го-

ваться я не собирался, не здоровались же никогда – «Дипапл, "хауз офф блу лайт", 1987 год выпуска». Лёня остановился и сказал как ни в чем не бывало: Разбираешься! У меня есть такая. Только конверт посветлее. Значит, наша, советская. А у меня немецкая. Здорово, – восхищаюсь, хотя не знаю, чем именно:

немецкая, которая по-любому лучше нашей «мелодиевской». Но мне правда интересно: - Небось звучит лучше? Хочешь послушать?

Ну, блин! Но вы ж мне не дадите... Дать, извини, не могу, - кивнул он. - Но можно

ж у меня. На, подержи.

Он протянул мне этот драгоценный – наверняка! – конверт, полез в карман брюк за ключами.

Я забыл обо всем и пошел за Лёней в его квартиру, напоминавшую темный лабиринт со стеллажами от пола до потолка.

клетке. Про которых мы не знали ничего. Да и во-

обще полподъезда народу, с которыми даже не здо-

роваешься - не знаешь, надолго ли они вообще. На

нашем этаже из «старожилов», как пишут журнали-

сты-очеркисты в таких случаях, остались только

мы с матерью и Лёня. Смурным дядькой он мне все-

гда казался. По жизни в темных очках-хамелеонах,

с бородой, как будто лицо прячет. Ни с кем не здо-

ровается. Даже с матерью моей, хотя живем – дверь

напротив. Однажды я вошел на кухню, где мать

лубого света», поднимается по лестнице на нашу площадку. Проходя мимо, я пробормотал – здоро-

что у него есть Дипапл или что у него пластинка

На физре тоска всегда. То бегаем так, что

в груди сдавливает, как от хорошего удара пяткой, то мячики и гранаты бросаем, метаем в смысле, или мечем, как на войне из окопов прям. Кому это надо все. Лучше б нас в бассейн в Лужники

Сегодня опять подтягивание сдавали. Или подтягивания? Его или ux? В моем случае точно ero, ибо

водили б.

наивностью, как сказала бы моя бабушка. Сейчас май, тепло, самое оно по улице бы побегать, даже я не против. Но нет, бегали мы по грязи, а сдавать подтягивания будем в пропахшем потом и резиной зале.

больше раза не могу – в прошлой четверти, зимой,

неужели что-то могло измениться за два месяца?

Если физрук так думает, то он отличается крайней

«Хорошев! – кричит физрук. – Давай, истреби-

тель». И я плетусь к турнику. Спрыгнув после жалких своих конвульсий с турника, ударился коленом об пол из кривых, жирно

вымазанных бордовой, как запекшаяся кровь, краской, поковылял обратно в строй, в конец позорный

свой, а физрук мне: «Ну, Хорошев, елки зеленые, ну ты совсем дохлый, как ты девушку будешь защищать от хулиганов в подворотне?» Не хожу по подво-

ротням, пробормотал я. «А в армии как будешь, а?»

А не возьмут меня, говорю, по состоянию здоровья.

«Да что ты говоришь? Петя, запомни: в советскую армию любого возьмут, кто своими ногами в военкомат пришел!» Сейчас, говорю, перестройка. Он махнул рукой: «Советская армия — это надолго.

Может быть, навсегда». Сказав это, физрук как-то

помрачнел и приказал девочкам подтягиваться.

А у них подтягивание халявное – низкая перекладина, тело под углом градусов в сорок пять, пятки на полу, – так и я хоть сто раз смогу. Главное: у девок в такой позе на этом псевдотурнике сиськи

видны хорошо.

лец-сволочь-эгоист.

* * *

Лама с первого класса дружила с Катей Быковой по прозвищу Корова. У кликухи происхождение простое:

Быкова, бык, корова... Говорили, что полрайона ее уже отымело. Правда, я вообще таких людей не видал. Ни одного. А говорили те, кто даже свечку не держал

(была такая модная присказка, про свечку). А Лама – она вся такая приличная, интеллигентная. Тонкая. Корова же полная, сиськи рано выросли, лицо круглое, нос картошкой, глаза желтые. Оттеняют друг друга. В 7-м классе это стало особенно

актуально: Лама защищалась от приставаний, Корова грелась в лучах ее благочестия, если можно так выразиться.

А вообще таким вот красивым-интеллигентным ламам не везет – приличные парни не рискуют к ним

приближаться, уверенные, что облом будет - еще

и в присутствии язвительно-грубоватой Коровы, –

а в результате брешь пробивает какой-нибудь наг-

сить у Ламы — самому смешно уже, да, — как Лама ко мне относится. Сначала я решил взять слово с Одувана, что он никому не разболтает. – Что именно не разболтаю? – уточнил Одуван. – Чего у тебя за тайны? Про... ммм... девушку одну.

Корова дружила с Одуваном. Ну как дружила —

они менялись жвачками какими-то или даже си-

гаретами, подозреваю. У Коровы отчим таксист,

у Одувана родители по заграницам, и сам он с ними где-то жил, в Алжире типа. Я подумал, что

могу спросить Одувана спросить у Коровы спро-

Втюрился! – Нет. Колись, в кого!

Да не, не, все, иди на фиг, Одуван.

Отмазался, короче. Вечером бесконечно слушал цеппелиновский

Communication Breakdown. Название песни — прям по теме: никакой у нас коммуникации.

Ты куда? – спросила мать вечером. - К соседу. Слушай, - она начала закипать, - не нравится

мне, что ты к Лёньке таскаешься! А чо такого? Я пластинки переписываю. У матери на щеках расцвел румянец, как бледный

пион. Сейчас орать будет.

Вот так и будешь, – она шумно втянула воздух носом, ноздри затрепетали, ну все, мне хана, - всю жизнь пластинки переписывать! Как Лёнька, точ-

но. И ладно бы музыка настоящая – а то рок этот дурацкий, ни уму, ни сердцу. Бездельники вы! Это несправедливо. Я школьник. А Лёня инженер, — напомнил я маме. —

Лёня как Аркадий наш. И кооператив открывать собирается. Компьютеры паять.

Напаяет он, как бы ему потом чего не припаяли!

Нет, все-таки как люди не меняются – это ж удивительное дело. Кто не меняется? – Я перестал что-либо понимать. Да что с тобой говорить... – махнула рукой мать.

Она всегда махала рукой, как будто отправляла поезд, когда не знала, о чем еще со мною поспорить и за что меня отругать.

не хочу. В таком, во всяком случае, тоне.

Действительно, не к чему, - ответил я впервые в жизни так. Наверное, дерзко - с матерью не хочет разговаривать! Но если действительно вращающееся виниловое поле. Никаких щелчков, легкое шипение. И вдруг —

опустилась на медленно

Иголка бесшумно

разболтанная гитара, голос дрожащий и резкий, как наждак.

......

Лёнь, а вот мои родители... – начал я, когда тот

дядьки толстые, волосатые и бородатые, как

какие-нибудь крестьяне со старинных картин.

Ну у них же другие вкусы, они не любят ни блюз,

распечатывал пластинку «великой американской группы, которую у нас никто не знает». Во внутренностях пластинки - фото, где какие-то

Grateful Dead.

Лёнь, – снова начал я, когда пластинка уже закружилась и игла опустилась с шипением. - Вот меня родители чмырят за то, что я музыку слушаю.

ни рок тем более. Чмырить-то зачем?

Да не обращай внимания, родители тебя любят

Конечно! Пир устроили...

и хотят, чтоб ты учился хорошо. Это понятно. Но музыка разве мешает?

Надеюсь, что нет.

Вот этот на тебя похож. – Я ткнул пальцем в фото

на развороте пластинки. - Ты?

Нет, это Джерри Гарсия, – улыбнулся Лёня. И вдруг спросил: – Петь, а тебе сколько лет уже? Одиннадцать, двенадцать?

- Четырнадцать, - пришлось мне сказать. Я почувствовал, как щеки теплеют. Вот кто его за язык тянул, а? Получается, меня опять за малолетку приняли. Не кто-нибудь, а друг, можно сказать. Как время-то летит, – покачал головой Лёня. –

Такой большой уже! А вроде недавно мама твоя замуж выходила. Ты помнишь?

 Да ничего, живет у жены. Хорошо ему, – усмехнулся Лёня. – Наверное. Слушай, а тебе девочки уже нравятся?

папа, Аркадий... Как он, кстати?

Конечно, мы тогда дружили все. Я, мама твоя,

Ну... – Я снова покраснел. Конечно, нравятся, - улыбнулся он. - Кто-нибудь в классе?

Я кивнул. Блин, вот откуда он все знает? Молодец! Ладно, давай я тебе Джона Ли Хукера поставлю.

Koro? Блюзмен великий. Иголка бесшумно опустилась на медленно вращающееся виниловое поле. Никаких щелчков, лег-

Ты был?

кое шипение. И вдруг – разболтанная гитара, голос дрожащий и резкий, как наждак. Вот, – тихо сказал Лёня. – Истоки. Весь твой

любимый рок из блюза вырос! Может, подумал я, и вырос. Некоторые мотивы – прям рок-н-ролл настоящий. Но рок как-то поакку-

ратнее, что ли. - "I love the way you walk", - говорю, - это про чего это он? Про любовь, понятно дело. Весь блюз про любовь, тоску и одиночество. - А ты здорово слова на

слух ловишь! Наверное... – Я облизнул сухие губы. Приятно, черт возьми. Рискну высказать собственное мнение: – Но мне музон чо-то не очень. Не забойный.

Не просекаю. – Вырастешь – просечешь, – улыбнулся Лёня. Никогда я это нытье не просеку, подумал я.

Лёнь. А вот что музыка дает человеку? Ну, кроме

радости? Да предки достают: музыка твоя дурацкая, ниче-

Ну ты и спросил! Радости что, мало?

го не дает... А, вон что, – вздохнул Лёня. – Музыка дает... по-

нимаешь, смотря что слушать и как. Он провел вниз-вверх ладонью по голове, от макушки к шее и обратно. Волосы как торчали торч-

ком, так и остались. Музыка утончает чувства.

Чего? – не понял я.

- Ну... Меломан не может быть циником, по-простому если. Я кивнул. Нормальное объяснение. Не вижу свя-

зи, не очень понимаю, кто такой циник, но звучит хорошо. Меломан не может быть циником – вверну

при случае.

я обязан выносить. ворит, что сейчас медленный. Ты меня не стесняешься? – говорю. Ань, – сказал он ей. – Здравствуй. – Здорово, коли не шутишь. Ты о чем? Чего это она такими штампами выражается? Мама Ну, я тебя ниже на полголовы. двинулась вниз по лестнице, к лифту. Я на каблуках. Ань, Петька-то твой молодец какой! - Значит, на целую голову. Да ладно тебе, учиться ему надо... Петь, вынеси – Ну что ты ерунду говоришь. Как тебя можно стесняться – ты хороший мальчик, тебя все любят. Неопределенная фраза с железной – в кавыч-Не хочу, - говорю, - быть таким. ках – логикой. Что это с матерью? Неужели она ду- А каким хочешь? мает о Лёне то, что о нем говорят всякие... соседки? Любым. Только не мелким. Мать уже дошла до лифта, не оборачиваясь. А мелким – это в каком плане? Он английский отлично слышит, – крикнул Лёня. В плане роста. Я стоял, не понимая, какого фига обо мне ве-Я вздохнул; даже если ей непонятно, то чего уж дут диалог люди, которые бог знает сколько лет от других-то ждать. не разговаривали. Но мне было приятно, честно го- То есть хочешь быть высоким стройным красавворя, что мама и Лёня так непринужденно болтают, чиком, как Мартин Харкет? как старые приятели. Ну и фамилия... Мама, уже вызвав лифт, который с далеким глу-Это солист «Ахи́». Кого? хим лязгом тащился по шахте, обернулась: Гены, – улыбнулась мать. А-ha, группа такая, американская. Лифт остановился, дернулся, с тонким против-– А, знаю. Попса. Кстати, они не из Америки, а из ным скрежетом растащил двери. Норвегии. Да? А чо тогда по-английски поют? Вроде я должен был ведро вынести? Чтоб всем понятно было. – Это, наверное, тебе одному понятно, ты ж спец у нас. Мы так достали учителей, что они разрешили нам Чо там понимать – попса ж. устроить «огонек». Это такая вечеринка, где пи- А я просто слушаю, ради музыки. Нормальная, чо. рожные с пепси и фантой и мафон с цветомузыкой. – Ну, в общем, да. Не «Модерн токинг» этот дерь-Пирожные люблю, музыку эту попсовую ненавижу. мовый. Сижу на подоконнике, гляжу, как девчонки пляшут. Тоже ненавижу. Подходит Лама, дергает за запястье: Я люблю тяжеленькое. Как цеппелины. Пошли танцевать! Ой, папа мой их обожает. У него пластинки даже Ты чо, я не умею. – Запястье высвобождать не хоимпортные есть. Покажи? Научу, давай. Чо у нас такие мальчики стесни-Легко. Заходи как-нибудь. Короче, ты не комтельные, блин! плексуй, понял? – Позови Чернышкова, – говорю. Руку только Из-за чего? не разжимай. – Ему вон делать нефиг. Из-за всего, из-за чего ты там обычно... Да ты офигел. – Разжала. И сморщилась, как будто Я на физре последним стою, как... Чуть не прибавил «как недомерок». Хорошо, что лимон укусила. – Шучу! Да я, кстати, никакой не стеснительный, темно, - моих красных щек не видно. В темноте вот не надо! краснеть – как плакать под дождем. И пошел. Охотно даже. Подвигался как-то... Физра, - сказала Лама строго, - это все фигня, В цветомузыке все равно ничего не видно, к счане это главное в жизни. А ты, типа, спортом занимайся: бегай, прыгай, на перекладине виси стью. Тут диск-жокей – это недавно так стали наи вытянешься. зывать тех, кто на мафон кассеты ставит, хотя ни дисков у них нет, ни коней, - завел медляк наконец, Правда, что ли?

«Тайм» «Скорпов». Тоже, конечно, фигня, а не рок,

но хоть что-то. Я уже собрался запрыгнуть обратно

на подоконник, как Лама меня обняла за шею и го-

Когда Лёня пошел проводить меня, то, открыв

мне дверь, увидел на лестничной клетке маму мою.

Совпадение. Мать – с ведром помойным. Которое

нятно, от чего это у меня. А вот, кстати, у Коровы пальчики до сих пор детские, даже когда ногти ее полукруглые вдавленные намазаны модной ядовитой краской. Тут "I'm still loving youuu" провыли «Скорпы» наконец, и Лама меня отпустила. Я взлетел на подоконник обратно. Потом спрыгнул и пошел танцевать быстрые. Больше мы в этот вечер с Ламой не разговаривали. Чернышков валандался от одной компашки к другой, потом засел в углу и, кажется, так в нем и растворился. Чернышкова все быют. Недели не проходит без того, чтоб он не сидел в углу и не размазывал слезы и сопли по красным щекам. При том он-то как

Лама приложила мне ладонь на грудь. Я посмо-

трел на ее руку. Ногти чуть выходят за пальцы.

Не накрашены, но это взрослые руки, женские. Лицу

моему вдруг стало совсем жарко, хотя мы вроде все

растанцевались уже до пара из ушей. Нда... непо-

Конечно. Куда денешься-то.

пый, как буква «к» в его фамилии. Что-то лишнее в человеке. И чего-то не хватает. Лишнее – что он возбухает и вырубается. Не хватает – собствен-

Просто такой он, Чернышков - такой же неле-

раз не мелкий, он среднего роста и упитанный. Но

бьют его не какие-то там старшие страшные хулига-

ны, а одноклассники, двое из которых ему в пупок

А почему, за что – фиг знает.

дышат.

ного достоинства. Он у нас с третьего класса, до того был в какой-то спецшколе, где что-то ему корректировали, типа речь и внимание. На вид вроде нормальный. Хотя волосы слипшиеся по жизни.

Не длинные, но и не подстриженные. И слипшиеся. Сразу его не приняли. Ну не приняли и не приняли,

пересиди четыре урока и иди домой и с пацанами

во дворе тусоваться. Но он принялся отстаивать свое место в коллективе. А в школе это самое последнее дело, потому что сразу обращаешь на себя внимание. Ну вот он и обратил. Мало не покажется.

Даже непонятно, чем, – ну подумаешь, сказал ко-

му-то что-то когда-то. Не вовремя. Не тому. И сам

такой бледный, потный, волосы эти... Сказал – был послан. Ну и ладно. Сам пошли в ответ. Или забей вообще. Но он подошел ко мне — почему-то — и говорит: знаешь, я б ему сейчас накостылял бы, но у меня брюки новые, не хочу мять. Угу, говорю,

брюки новые, забавно. У всех от мастики колен-

ки желтые, а ты, типа, свои бережешь. Звонок. На

уроке я расшептал соседу по парте, чо мне Черный

Он нахмурился: Не хочешь – не говори. Я это так, к слову пришлось. Да нет, хочу, но... Тогда говори, не мычи. Так я не знаю, что сказать!

не о том и не к месту.

Во, блин, логика. Мужская. И то верно. Я вздохнул. Ну правда – о чувствах либо говори, если это для тебя важно, либо молчи. Не вопрос этикета тут.

Тогда молчи.

 Она мне нравится, короче. Одноклассница моя. Лама. Редкое имя. Это прозвище. Так она Наташа.

Лёня улыбнулся: Фантазия у вас. А я не понимаю, нравлюсь ей или как. Спроси.

- Боюсь.

 Не боись. Пригласи в кино – и спроси. Так просто?

Ну а чего усложнять-то?

Когда я выходил от него, то дверь напротив,

дверь нашей квартиры то есть, тоже открылась, и оттуда вышла моя мама с клетчатой сумкой, в магазин чтоб ходить за жратвой.

Ань, – сказал Лёня. – Петька-то твой песни чуть

Недели не проходит после очередного его валан-

данья по грязно-оранжевому паркету в школьном

коридоре, несколько дней он молчит, насупившись,

как бык, потом начинает с кем-то заговаривать

о каких-то мелочах, типа, чего задали, дай спи-

сать, типа, контакт налаживает человеческий,

но потом снова чего-нибудь сказанет. Не тому,

Лёнь, ты это, спрашивал, нравится ли мне девоч-

ка... девушка какая-нибудь, - начал я.

не на слух переводит. Ну так есть в кого! – воскликнула мать. И по-

розовела слегка. И добавила тише: – Лучше б он

математику учил.

У него репетитор?

По математике?

По английскому.

Да нет, сам как-то.

Ну здорово, в иняз пойдет.

 И учителем станет? Да нет, не надо такого. Да и куда ему... Хотя посмотрим.

прогнал. И на следующей прям перемене Чернышкова уже метелили вовсю. Потом это стало ритуалом. Я не пью кофе. У меня гипертония. А когда-то любила. С коньяком и сигареточкой... Петь, заткни уши!

Сварю, как ты любишь.

Ань, ты знаешь чего? Ты заходи в гости. На кофе.

Я улыбнулся. Мало ли чего любила, - вздохнула мать. - Молодость, Левонид, прошла!

Да что ты говоришь, – улыбнулся Лёня. Чего уж теперь говорить-то. – Мать покачала го-

ловой. – Ладно, Левонид, Петька-то тебе не надоел?

- Мы друзья. Гони, когда надоест!

Когда друзья надоедают – их надо гнать? Инте-

ресное кредо у моей мамы. * * *

На следующей неделе уже совсем тепло, май, и на физре мы ничего не сдавали, но отпустить нас

физрук просто так тоже не имеет права - дальше два урока еще, ну и в принципе никого не отпускают, даже если сдавать нечего. Физрук сказал: берите снаряды спортивные в кладовке, играйте во

что хотите. «КВГ», добавил он, кто вот что горазд. Все, конечно, в футбик. А я не люблю. Я попросил теннисную ракетку и мячик. Помешан на теннисе ходил стучать об стенку у дома культуры «Каучук».

Ракетки старые дома нашел – отец их не забрал (у него сейчас наверняка какие-нибудь фирменные, «хэдовские» или какие там еще есть импортные). Я не любил спорт, способностей к нему не имел никаких – мелкий и дохлый, именно что, – но тогда

была целая туса великих теннисистов, которые к тому же выглядели как рок-звезды: волосатые, в щетине, темных очках, со всякими плейбойскими замашками по жизни... Стучу я, значит, об стенку физкультурного зала

нашего, чувствую - кто-то в спину смотрит. Ловлю мячик, поднимаю его - как профи: ракеткой прижал к ступне, резко рванул вверх, ударил сверху, поймал левой рукой – оборачиваюсь. Чернышков.

Чо, говорю, в футбик не гоняешь? Да пошли они – играть не умеют, токо подножки

ставят, уроды. Понятно: выгнали. Небось задел кого-то и начал выеживаться на тему куда прешь, чем бьешь, щас тебе покажу и так далее. С ним, конечно, связы-

всегда виноваты.

 Давай. Сейчас облажается, думаю. Щас-щас, меня учили...

хорошее настроение.

Конечно: хватает ракетку неправильно, держит книзу головой и как черпаком бьет об мячик.

- Не, Черный, - говорю, - так удара сильного не будет. Техника неправильная.

Хошь, говорю, постучать? – Мне плевать, у меня

Да техника - это фигня все! Щас как размахнусь – улетит мяч на фиг! Это тебе, конечно, тяжело нормально ударить - ты ж маленький, сла-

бенький... Ладно, бей. После звонка, – прервал я его, – сдашь ракетку и мячик физруку.

И пошел в раздевалку. Все равно звонок скоро. А я уже потный, как конь. Хотя куда мне – конь же

большой, сильный... Кстати, надо не забыть передать капитану футбольной команды, Вовчику Жирному, слова Черного про не умеющих играть уродов. А то вроде не рыдал он на этой неделе, Черныш-

ков-то.

Бегать я начал летом в деревне, после того как

случайно посмотрел по телику интервью одного теннисиста, который рассказал, что был малень-

варенья вбухай.

ким и дохлым и с соплями вечными, но однажды начал ни с того ни с сего бегать по утрам и делать

зарядку. Ему, конечно, круто было бегать – у них там в Нью-Йорке парк здоровенный. У нас в Лужниках поменьше. А в деревне зато простор, хоть оббе-

гайся. Я и начал. Утречком. Как проснусь. Все рав-

но встаешь там рано. И – вниз по косогору, потому вдоль берега Оки, потом обратно. В гору. Потом действительно жрать хочется - а раньше в меня овсянка или манка не лезла, хоть ты сколько туда Бабушка вначале удивилась, потом решила, что

все равно мне быстро надоест моя причуда, как вообще все мне всегда надоедает, потому что я несобранный и так далее... потом привыкла. Да, так теперь на завтрак я сжевывал и тарелку овсянки, и два яйца крутых. Вот к этому бабушка не сразу

привыкла, к аппетиту такому, но потом как будто так всегда и было. Потом я себе еще турник повесил между деревьями. Стащил какой-то толстенный железный прут в колхозе на машинном дворе, навесил ваться не захотели – жаль время от футбола отпросто на ветки, алюминиевой проволокой замотал рывать, - и просто послали. У него, понятно, все (у нас тут у всех «городьба» из алюминиевой проволоки).

гать – не сразу сообразил. Но потом придумал. Вокруг двора сперва, потом дальше, по улицам. В школе снова оказался в конце строя, но не настолько мельче предпоследнего. А тот ненамного меньше среднего Чернышкова. Осенью мама сказала: надень хоть носочки шерстяные. Это, говорю, для слабаков. Ну да, согласилась она, ты теперь у меня крепкий. Не просту-

Когда домой приехал 30 августа, мать сказала,

меня не узнает, расцеловала в щеки, оставив мокрые

блестящие следы, и потащила рост измерять. Я при-

бавил... я глазам поверить не мог! В прошлом году

с таким ростом стоял бы на физре в середине строя, так что в этом... Да, но сейчас не прошлый год.

ся, стал собираться на пробежку, а где у нас бе-

На следующий день я по привычке рано проснул-

Весной на очередной физре опять сдавали подтягивания. Хорошев, – назвал меня физрук. – Давай на пере-

дишься. И действительно – зимой вообще не болел.

Впервые за пятнадцать лет жизни. Так и бегал до

весны.

кладину. Герой, штаны с дырой. Где? – Я оглянулся на свою попу. Все заржали. Цирка ждут. Я подошел к шведской стенке. На высоте метров

двух с половиной – треугольная «ферма», перекла-

дина. Обычно я вставал на вторую снизу ступеньку,

но сейчас просто подпрыгнул, сразу крепко ухва-

тил холод перекладины. Медленно подтягиваюсь. Раз. Еще. Еще. Рывок. Потом еще рывок. Тишина. Еще. Сколько-то... Уже тяжело. Уф. Интересно, на зачет сгодится? Я разжал руки. Пружинный скрип пола.

Хорошев, – сказал недоверчиво физрук. – Ну это, пять.

Я кивнул, как будто так и надо. Сердце заходится. Пошел период зачетов. Через неделю бегали на короткие. Я их провалил, получил трояк еле-еле,

что меня, в общем, не очень удивило, но все-таки

как-то неприятно задело: что, получается, просто

так бегал? На следующем уроке бежали на длинную. Это, типа, шесть кругов вокруг школы. Я пришел четвертым, что ли. Первым Вовка Жирный, но у него ноги длинные, ему бежать как ходить. А я еще когда финишировал, смотрю, трое всего тусуются, на фини-

ше-то. Добежавшие. Где остальные-то? А бегут еще.

И действительно – всем как минимум еще один круг. Физрук всех нас с секундомером отмечал, кто за сколько дистанцию осилил. На следующем занятии

 Ага. Легкими. Отжимания. И душ ледяной. Чего я буду все рассказывать-то – я ж не тре-

так сказал). Ну как, говорю, зарядка.

С гантелями?

Физрук кивнул:

дерусь, я пацифист.

говорит, забей болт.

вызвал меня на середину зала и велел всем расска-

зать, как я вдруг стал таким спортивным (это он

нер. Но если хотят, как я, то пусть ледяной водой обливаются.

Молодец, Петр. Иди в строй. В строю после меня уже двое стоят. Прогресс.

Чернышков в раздевалке мне сказал, что я хоть и занимаюсь этой своей физкультурой, но все равно меня побить всякий может. Не может, говорю, я не

что-то такое сказанул, что теперь вот прям точно – наезд на Жирного! Ну я и говорю, Вован, ты на Черного не обращай внимания – он фигню всякую

Чо говорит? – прищурился Жирный.

Всем пока, – сказал Чернышков, схватил свою

сумку из коричневого дерматина с трафаретным хоккеистом на борту и быстро-быстро вышел

в коридор. Последний урок.

А, ты не зна-аешь... – Я покачал головой с притворным сочувствием, а потом гаденько-веселым тоном посоветовал: – Ну тогда тем более забей!

Иди сюда! – крикнул Жирный, распахнув дверь. Мы уже все переоделись, Жирный просто традицион-

Тут, кстати, вспомнилось, что Чернышков на днях

но тормозил. – Лана, за базар ответишь! – И захлопнул дверь.

* * *

Детское слово «огонек» с прошлого года не упо-

требляем. Говорим: вечеринка. Эту вечеринку даже особенно пробивать не пришлось, и так всем было ясно, что какой-то праздник

нужен. Классная даже сказала, типа, делайте свой

огонек, только чтоб без эксцессов. Любят учителя такие слова, жесткие, неживые, лязгающие, словно ножницы. Квинтэссенция (тоже учительское словечко): девушки, накрашенные так, что в темноте светятся,

надушенные сладким, цветные лосины, каблуки по метру. В основном жутковато это все, как мне показалось. Но - волнует. Может, аллергия на духи, не знаю. Вовка Жирный притащил какой-то ликер, кото-

рый давал всем отхлебнуть незаметно. Мне тоже предложил с усмешкой. А чо, говорю, легко. И оттанцевать пошел – быстрые, которые не люблю и не умею. А тут прям самому понравилось. Пляшешь, подмигиваешь барышням, они тебе улыбаются, всем хорошо. Ты двигаешься – умора, – сказала мне Лама.

пил. На секунду горло обожгло, но тепло внутри

осталось. И как-то легко стало и радостно. Я даже

Ты сама жаловалась, что мальчики не танцуют. Но ты за всех выступил, герой! Пошли курить. Пошли.

Сигареты у Оксанки. Она иногда за школой брала чью-нибудь сигарету «на пару тяг», но я не знал,

что она уже со своими. Мы все раскурились на крыльце. А что, сегодня

не просекут учителя, даже если просекут - сегодня без палева. Время ж не учебное.

У меня от танцев и свежего воздуха голова закружилась приятно. Курить не рискну. Еще не пробовал, а закашляться от первой затяжки – это ж не

круто. Потом как-нибудь. Потренировавшись. А Оксанка меня спрашивает: Чо, Пит, не куришь?

Неа, – говорю. – Не нравится мне.

Или боишься, что не вырастешь?

Мальчики обычно девочкам говорят «у тебя дети зеленые будут», но я не люблю известные шуточки.

Придумал свою: Боюсь, но не настолько, насколько ты боишься еще больше разжиреть.

И захохотал. Кто-то усмехнулся. Встретился с Ламой взглядом. Она сквозь зубы прошипела: Ты офигел такое говорить, блин...

Оксанка протянула кому-то сигарету:

Добейте кто-нибудь, я... – Она резко вздохнула. –

Я пошла.

Окса! – Лама ринулась за ней следом.

Мы с остальными курильщиками остались доку-

рить и потереть. Эпизод с Оксанкой быстро выве-

трился. Вернулись в класс, я стал высматривать

Ламу в темной толпе танцующих под что-то отвратительно-отечественное, вроде «Фристайла». Заметил ее в углу почему-то. Одна сидит, прикрыв

глаза, увидал я, поближе подойдя. Тут музыка заткнулась наконец-то для перемены кассеты. Обычно

у нас два магнитофона: с одного слушаем, на другом перематываем. Прям диджейский пульт. Только

с лентой. Наташ... Она открыла глаза.

 Пойдем потанцуем. Кассета включилась, но – фальстарт, не с самого начала песни, еще пять секунд на перемотку.

 Ну да, гм, но если медленный... Фиг тебе. Я устала. Еще кого-нить пригласи, герой.

Не пойду я. Устала. И ты ж танцевать не умеешь.

Я дотронулся до ее запястья, тонкого и в тем-

ноте особенно молочно-белого. Она отдернула

 Да и ладно, – чуть не крикнул я. – Да на фиг нужна вечеринка эта ваша... «огонек», блин. «Ваш». Я-то как раз один из тех, кто всегда ак-

тивно «огоньки» продавливал. Ладно, все равно домой пора. Выпили, поплясали, хорош уже. Еще, правда, восьми нет, а рань-

ше девяти нас не выгонят. Но все равно. Иду на принцип. И ушел, как тогда говорили, по-английски.

Решил перед домом заскочить к Лёне (кстати, вдруг у него какой-нибудь ликерчик есть прикольный?). Лёнь, – сказал я ему с порога, – выпить есть?

 Ты чего это? – Его брови полезли вверх, сморщив бледный лоб в гармошку. Да так, настроение. Коньячку не накапаешь?

Так, заходи. В квартире у него мне стало жарко. Лицо горит.

руку.

И дышать трудно. Из стоваттных динамиков тихо пищал какой-то колючий блюз с завываниями губной

гармошки.

 Мадди Уотерс, но об этом позже. Ты чего это, нажраться решил, что ль? Не, говорю, я меру знаю. – Я вдруг икнул.

Кто играет, Лёнь?

- Индийский. Краснодарского не держим. А то мать

Н-не выдерет, я взз-росс-лый...

 Понятно. Сейчас тебе чайку заварю. Покрепше. Не, ну какой, блин, ч-чай, йик...

тебя такого выдерет ремнем.

Угу, заметил.

Лёня ушел на кухню. Я попытался вслушаться

в Мадди этого Уотера или как там его и постучать

ногой по паркету в такт. Типа, мне нравится. Стя-

нул свою белую водолазку с горлом, забыв, что под

ней старая майка-алкоголичка.

Оголяешься? Правильно! – Лёня вошел, держа в руке гигантскую дымящуюся кружку.

Лёнь, – спросил я, отхлебнув, – а вот если девочка с тобой то вежливая, то грубая, это что

значит?

— Ну как минимум неравнодушна. Но вообще что угодно. Женщины, понимаешь ли!

Понимаю, – кивнул я. Он снова усмехнулся:

Лёнь, – я поглядел на него, – а ты чо не женат? - А зачем? - Он поморщился. То ли вопрос бестактный, то ли тема надоела. Или не понравилось, что я вдруг начал что-то такое выпыты-

Хорошо, если понимаешь.

вать? Все ж женятся. Угу. А потом разводятся. Ни себе ни людям в итоге.

Что ни себе? Ты про кого?

– Про вообще. Короче, на ком я хотел жениться, та за меня не пошла. А другая? - А на другой не хотел. А вообще рано тебе о таких вещах думать. К счастью для тебя. Живи и радуй-

ся. Еще наешься всего этого. - Порадуешься тут, когда «банан» по химии в четверти маячит. Это не самая большая проблема в жизни. – Он

кашлянул. – Хотя, конечно, ничего хорошего. Если ты, допустим, на химфак собираешься. Не на химфак. - Тогда успокойся. Ты не дебил, и трояк тебе уж как-нибудь нарисуют. Никому не нужны выпускники с годовыми двойками. Фиг их знает – они вредные такие, учителя наши. - Не настолько, насколько ты думаешь. Всех волнует личное благополучие, а не чужие проблемы.

 Лёнь, а «неравнодушна» – это, скорее, хорошо или, скорее, плохо? Это – шанс! От любви до ненависти, как говорится...

«Чифирек» Лёнин меня правда как-то в чувство привел. Мать ничего не просекла. Я сразу лег, но долго ворочался. Голова болела. Раз пять вставал попить из-под крана холодной. Стук в висках не унимался. Думал про Ламу и ее на меня наез-

ды. Герой и все такое. А чего она от меня ждет-то? Чего вообще они от нас ждут? Девочки от парней, в смысле? Что мы будем эдакие рыцари? А сами-то они кто, блин, дамы, красавицы? Всему свое время, правильно Лёня говорит. Да, вы не красавицы, мы не герои, вы – губы красите, мы – матом кроем... Вы

одеваете... нет, обуваете... нет, надеваете! мамины босоножки, мы же не вышли ни ростом, ни рожами... Ладно, сойдет для начала. Поэма о девушках десятого бэ. Ее б прочитать на Восьмое марта. Валяев бы прочитал круто, у него бас, а кривые рифмы мои никто не заметит.

Утром я вспомнил стишок и покраснел. С Ламой не разговаривал до одиннадцатого класса, когда все уже давно забылось.

Лёня уехал в Ленинград. Ленинград тогда же переименовали в Санкт-Петербург. Там, в Питере, он прижился. Я окончил школу, институт, пошел рабо-

тать и так далее. А блюз так и не полюбил.

* * *

